

МАЛЫЙ СЕРЕБРЕННЫЙ ВЕК

**МИХАИЛ
ШТИХ**

**ЗАРЫТЫЙ В ГЛУШЬ
НЕМЫХ ГОДИН**

МОСКВА

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

МИХАИЛ ШТИХ

**ЗАРЫТЫЙ В ГЛУШЬ
НЕМЫХ ГОДИН**

Стихотворения 1917– 1922 гг.

Водолей
Москва – 2009

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление и подготовка текста
А. Ю. Сергеевой-Клятис и С. В. Смолицкого
Биографические сведения *С. В. Смолицкого*
Послесловие *А. Ю. Сергеевой-Клятис*

ISBN 978-5-91763-024-3

- © С. В. Смолицкий, составление, биографические сведения, 2009
© А. Ю. Сергеева-Клятис, составление, послесловие, 2009
© Водолей, 2009

* * *

В далекой реке отраженье огней
Затеплил у города вечер...
Как плачет в глуши опустевших полей
Осенний тоскующий ветер!

На западе отблески солнечных снов,
И всё это кажется ложью –
И ветер и жалобы перепелов
Над стынущей скошенной рожью.

О, как мне, мой ветер, в тебе не узнать
Метелей далекого гула!
Я знаю: ты, осень, вернулась опять
И душу тоской захлестнула.

1917

Романов-Борисоглебск

* * *

Вся жизнь – таким немудрым знаком,
Вся цель и все мои грехи –
Как уходящий красный бакан*,
Огонь береговой вехи.

* Бакан – устаревшее *бакен*.

Уж ночь близка. Мрак неминуем.
Всё, как огни, уйдет назад...
О, ты, не смытый поцелуем,
Разлитый по реке закат!

ОТЪЕЗД

Брату

Их не было. И мы их не хотели.
Их срезал колокол – все вереницы слов,
И за меня тебе привет пропели
Певучие цимбалы буферов.

И паровоз, захлебываясь плачем,
Рванулся в ночь, как раненый дракон...
Дыханьем лета пыльным и горячим
Дышал мой город в прорези окон.

Вокзал ушел. Не помнишь и не знаешь,
Что были мы иль не были вдвоем...
Я знаю, что ты взглядом провожаешь
Вагон последний с красным фонарем.

1917

НЕЗНАКОМКЕ

Дымила грязь. Снег почерневший таял...
Вы в легком белом шли – задумчиво-грустны,
Как ангел падший, изгнанный из рая
И брошенный сюда, в водоворот весны.

Осколки луж – как окна на болоте,
И Вас засасывал весенний черный гной.
А мне казалось – Вы как будто ждете,
Что встанут просини и крылья за спиной.

Но – темнота. И только плыли тени,
Как птица вздрагивал и бился желтый газ...
Вздохнула ночь туманом испарений,
Прилипла к улице и разлучила нас.

1917

Москва

ОТЪЕЗД

Н.И. и В.И.Ш.

Уж обессилел кровью плакать
Заката длинный тонкий меч...
Там, за окошком, ночь и слякоть –
Вожатой проводов и встреч.

Прильнул щекой к оконной раме.
Огни на дальнем берегу...
Я образ дней, ушедших с Вами,
В душе надолго сберегу.

Уйдет капель – разлук подруга...
Пусть. Больно знать лишь, что за ней
Взметнется и заплачет вьюга
И заметет следы саней.

И больно знать, что всё на свете –
Как этот хрупкий санный след,
Что мой рассвет замрет, заметен
Метелью пролетевших лет.

1917

Романов-Борисоглебск

РОССИЯ

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви.

А. Блок

Леса сквозят. Бессилье... Ленъ...
И в воздухе тлетворный морок...
Но пасмурный осенний день
Так сердцу несказанно дорог.

Пусть ушлывают в даль года,
Пусть юность оплетут седины, –
Мне будут милы как всегда
Твои унылые равнины.

И пусть в речных затонах кровь
К воде подмешана зеркальной, –
Я сохраню мою любовь
Такой же светлой и печальной.

И отходя к иному сну,
Я вспомню блеск ночей метельных,
Твою последнюю весну
И грусть просторов беспредельных.

1917

Москва – Сокольники

ТЕАТР ОСЕНИ

Что поле? – Сцена. Смену декораций
Кисейный занавес осеннего дождя
Ревниво прячет от рядов акаций,
Что ждут, рукоплекская и гудя.

Лишь станет тихо – занавес совется.
Там только радуга над сваленным плетнем,
Там только стадо хмурое плетется
Вслед за осенним уходящим днем.

Среди равнин, на кочке – пастушонок –
Унылой оперы тоскующий статист...
И звук рожка так жалобен и тонок,
И дальний лес так призрачен и мглист.

Ведь поле – сцена. Песнь рожка допета.
Уходит радуга. Кулисы – за горой...
И там, на сцене, умирает лето –
Израненный, развенчанный герой.

1917

Романов-Борисоглебск

ЯПОНСКАЯ КУРМА

Я оставлю, когда умру,
Просьбу, только просьбу в наследство:
Заверните меня в красную курму
И вспомните мое далекое детство.

Я помню – тогда, тогда –
Диковинные японские звери,
Как слова «Калиф» и «Багдад»,
Распахивали сказочные двери.

И каждый зверь оживал
И двигался по красному шелку,
Я с ними обо всем толковал,
Но в общем... не понимал их толком.

А на мертвом... шелковая курма
(Право же, это не так нелепо!)
Разгонит и оживит дурман
Погребальных великолепий.

1917

Москва

ДУША МОЦАРТА

Ты думаешь – в дымной слякоти Марта
Грохочет безумный год?
Это Реквием Уходящего в вечность Моцарта
Выпущен на волю, под церковный свод.

Тесно там. – Хочется в поле, на ветер.
Слышишь – скрипка заплакала и осталась одна?
Со стоном гобоя догорает вечер
В готическом переплете окна.

Ах, нет! Нет, – то не вечернее небо,
На котором – обманом – Любовь и Добро, –
Это Его глаза хрустальные,
Тихие, немного печальные,
Оправленные в старинное серебро.

1918

Москва. Церковь Петра и Павла

ЗАТЕРЯННЫЙ В ВЕКАХ

Я путешествовал по времени –
В глуши ночей, по склонам дня.
Моя нога дрожала в стремени
Коня, несущего меня.

И развевал мне ветер волосы –
Вихрь от летящих дней и лет...
На небе огненные полосы
Стирал и вновь чертил рассвет.

Я на день пролетающий взглядывал
И знал одно: нельзя упасть.
Но дрожь в ногах... мой конь угадывал,
Что я над ним теряю власть.

Полупривстал на стремя звонкое,
Узда – как поручни весла...
Вот мы над роковой стоянкою
Без времени и без числа.

Всё, всё вокруг такое странное,
Неведомое для меня.
И понял я: то первозданная, –
То первозданная земля.

Светила в небесах багровые
Ползут, свиваются в клубок...

Конь в стороне дробит подковою
Сухой, дымящийся песок.

– Мой конь! Скитался слишком много я,
– Скорей, в знакомые века!
Но вместо сбруи воздух трогает
Моя дрожащая рука.

И меркнет дивный конь. Не верится –
Горячий, разъяренный зверь
На месте в диком беге стелется...
Исчез. Он здесь, но не теперь.

Над ним теперь мелькают ночи
И дни, как взмахи птичьих крыл...
Он возвратиться не захочет,
Он путь обратный позабыл.

– О, Боже! Если можешь, – встреть его!
– Верни его! Ведь я один. –
– Веками и тысячами
– Зарытый в глушь немых годин.

1918
Москва

* * *

Иду как всегда. Не согнувшись. Кто так
Разлуки и горечи снес бы?
Над городом, погруженным во мрак,
Большие, мохнатые звезды.

То Он над тоской и бессильем людей –
Он, кто так суров и всемогущ –
Затешил взамен городских фонарей
Огни своих синих светилен.

1918

Москва

МОЛИТВА

Отче наш, иже на небесах еси,
А мы на земле одни.
Кто думал, кто знал, что теперь на Руси
Задымят такие огни?

А Ты в угодьях своих голубых,
На светлом, солнечном троне.
Из дымных пальцев пожаров земных
Тебя ни один не тронет.

Бьемся в лавинах летящих годин,
В крови очистительном Ганге, –

И будет ли чище из нас хоть один –
Хоть самый безгрешный Твой ангел!

Поля, пустыри, перелески – спят,
Но видит ли старческий взор Твой,
Что каждый десятый из нас распят
На груди родины мертвой.

1918

НОВЫЙ ГОД

Мне говорят: «В бокал вина нацеди
С открытым челом. – Печали забудь».
А я каждый год – от двенадцати до двенадцати –
Оглядываюсь назад, на пройденный путь.

Боем часов печали руби мои. –
Поднимаю с надеждой (с такою ль, как встарь!)
За вашу радость, мои любимые,
За юный холодный Январь.

31 декабря 1918

ПОСЛАНИЕ

Простите, что это слишком печально.
Простите, что это слишком фамиллярно,
Но сейчас в городе глубокая осень.
Стоны далеких вокзалов гложут
В уличной грязи. – Всё это
Не располагает к веселью,
Но зато сближает даже чуждые души.
Правда ведь?
И ты – да, ты, – ты незримо со мной,
Незримо со мной сумерничаешь на диване,
Держишь мою руку в своих.
Я читаю тебе стихи,
Разговариваю, получаю ответы...
Сумерки гуще. В переулке, под моим окном,
Наверное, фонари мигают и слепнут...
Блестят сырые панели.
Открываю глаза –
Один.
Жду, скоро ли воспоминания хлынут
В заплаканное сентябрем окно.
И так из вечера в вечер –
Всю осень...

И когда утренний фонарь
Смотрится в темную комнату
Бледным призраком невозвратного детства, –
Я вспоминаю глаза твои,

Усталые руки твои,
Твои журчащие речи...

И когда призывно промигает с неба
Моя тусклая, скромная, одинокая звезда, –
Встанут осени, весны и зимы
Уходящей жизни моей –
И тогда
Сердце остановится, испугавшись наступления
Вечных разлук последней разлуки,
Вечных ночей самой непроглядной ночи,
Окончания любви самой последней и верной.

1918

ПРИЗНАНИЕ

Вы мою душу считаете слепой, –
А она полна песен, гимнов и мотивов.
А она – как темное паровозное депо,
Где по углам притаились громады локомотивов.

Вы не боитесь открыть туда дверь?
Не боитесь неожиданного простора?
Не боитесь, что взвизгну, как железный зверь,
Ринувшийся на зеленый огонь семафора?

Не пугайтесь. – Дальше будет не страшно, нет, –
Потом глаза к полутьме привыкнут,

Им не веря, увидите, что хребет
Зверя перед Вами раболепно выгнут.

И когда как звонкая, ломкая сталь,
Как изломанные рельсы собьются строфы –
Мимо всех сигналов ринемся вдаль
К багровому зареву катастрофы.

1918

ПРОСТОРЫ ВЕЧЕРНИЕ

1

Как в далях вечерних пустынь – полей
Глохнут оазисы – прóлески –
В калейдоскопе минувших дней
Тонут памяти проблески.

Очертанья лесов, городов и сел...
Что еще? – Ничего. – Что-то было ведь!
Перед смерти лицом вспомнится всё,
А сейчас ничего не выловить.

Ветер. Ковыль по полю поник...
Слез о минувшем что площе и бреннее? –
Но ведь каждый день – это милый утопленник
В тяжелой реке времени.

2

Родина

День догорел. В вечерней черни я
Прочел – конец, конец всему...
Поля безлюдные, вечерние
Льнут к изголовью Твоему.

Какой угрюмой и великою,
Раскинувшись, ты смотришь в высь.
Твои печали повиликою
В осеннем поле завились.

Да, сумерки от века, искони,
Свет не провидит взор ничей. –
Здесь только небо вспыхнет искрами
Созвездий северных ночей.

Да шалый ветер – злым гонителем, –
Тревогу в сердце запаля...
Каким Богам, каким Спасителям
Мне завещать твои поля!

1918

Романов-Борисоглебск

СНОВА ГОРОД

Ни звезд, ни просиней, ни сна нет, –
Всё зимней слякотью пьяно.
Здесь вечер тихий не заглянет
Снегами синими в окно.

И, грудь избив плетнями в поле,
Не пропоет в трубе пурга,
Что хмелен зимний день и волен,
Что за окном лежат снега.

Здесь близких сердцу никого нет,
И дни былые далеки...
Ах, вспомните, как вечер тонет
В холодных прорубях реки!

Но лишь туман в лицо мне дышит,
День городской угрюм и груб,
И к дымным тучам рвутся крыши
Под рокот водосточных труб.

1918

ВЕНЕЦИЯ

В закатном море желтый парус
И призраки рыбачьих шхун...
И словно душный женский гарус
Закутал зеркала лагун.

Там, за дворцами, медлит лето,
Но мне дано лишь знать одно –
Что каждый переулочек – Лета,
Что все печали и заветы
С гондолы канули на дно.

И небо – только даль простая
Любимой сказки голубей...
В вечернем воздухе растаял
Гортанный говор голубей.

1911-1919

* * *

День догорел, и желтый пепел
Дымит, разбросан по снегам...
Не думай, я не пьян, я не пил,
Дай мне упасть к твоим ногам.

Ведь страсть уйдет, – так, с вьюги бредом,
И не оглянется назад...
За нами легким лыжным следом
Седые сумерки скользят.

1919

ДЕТСТВО

Бессмертники в граненом графине...
Знаете, это было тогда,
Когда жили на свете князья и графини –
Давние, давние года.

В воскресенье вербное, спозаранок,
Еще не остывший от детских снов,
Я раскладывал цветных шерстяных обезьянок
По уютному одеялу из лоскутов.

И всё было празднично, просто, светло так –
В весеннем небе серебряный серп,
Дребезжанье новорожденных пролетов
И пушистые котики пасхальных верб.

Только взрослые почему-то не радовались веселью:
«Пусть путь их будет светлее, чем наш».
А за окном весна исходила капелью
И стучалась к нам, в третий этаж.

Вырос. Теперь
Если смеюсь – не верьте,
Теперь я узнал и узнал навсегда,
Что даже бессмертники не уйдут от смерти,
Что все ушедшие не вернуться никогда.

1919

* * *

Душа не знает сама,
Как петь, от пепла себя не очистив...
Да разве мы знаем – поэты – о чем запоем?
На бумаге тень от пальмовых листьев,
Что расцветила чужая зима
На холодном окошке моем.

И по застывшей комнате вновь
Слоняюсь – из угла в угол.
Как бьется в висках кровь!
Как пусто и гулко от стука шагов!
– Доноси мне, ветер, – будь другом –
Приветы родных снегов!

1919

Судак

* * *

Здесь даль – чужая и немилая, –
Вот отчего так мало сил.
И в эти сумерки унылые
Меня никто не навестил.

Ну что же? Я – с годами давними.
Грядущих лет чуть слышен гул...

Закрою снова окна ставнями,
Чтобы закат не заглянул.

1919
Судак

К АБИГАИЛИ ДАР

(1)

Я над закатами, на воле –
В безмолвьи снеговых вершин...
Я всё простил тебе – все боли
И то, что я теперь один.

Да, ты ушла. Меж нами – знаю –
Так много лет, так много миль,
Но мне по-прежнему мерцают
Твои глаза, Абигаиль.

Я с каждым днем к тебе всё ближе,
Твой облик с каждым днем ясней...
Май вечера на горы низет, –
Смерть отцветающей весне!

Лишь осень затуманит реки
И горы дымкой голубой, –
Последний сон смежит мне веки
Соединением с тобой.

(2)

Я знаю – не из премудрости книжной –
Что в жизни – одни печаль и утраты...
Это вьюги, вьюги над моей хижинкой
Воют, взрывая горные скаты.

Прорывает ветер – и снова верю, –
Всей любовью, тоской, всеми болями сердца –
Это ты стоишь и плачешь за дверью:
«Я пришла, я озыбла. Впусти обогреться!»

– Сюда! Любимая! На грудь мою, – ближе!
– Все двери убогой хижинки настезь. –
Никого. – Проклятая вьюга, пусти же!
– Это ты ее от глаз моих застишь.

Сплетаюсь в один клубок с ночами,
Ревут лавины – снежные реки...
Господи Боже! Смилуйся над нами –
Надо мной – живущим и ушедшей навеки.

1919

Москва – Судак

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты спишь и видишь быль и небыль.
Твой сон спокоен и глубок...
Над переулком месяц в небе,
Как опрокинутый челнок.

Смеженных век чудесной силой
В каких ты кинута морях?
Ведет ли вновь тебя твой милый
С горячим золотом в кудрях?

Мне кто-то за тебя ответил –
«Угадан сон». – Не ты ль сама?
О, нет, ты спишь и сон твой светел.
Уходит месяц за дома.

Рассвет придет еще не скоро,
И вьюга – ласковой рукой
В глухой покров оденет город,
Оберегая твой покой.

1919
Судак

* * *

Т. С-ой

Лишь Тот, Кто царь в парче и в рубище, –
Он только знает, сколько мук
В изломе губ так жарко любящих
И девичьих усталых губ.

– Опять пусты твои объятия, –
Взгляни ж, как дали тешат взор. –
Там врезаны венцом Ваятеля
В закат зубцы далеких гор.

– Ах, что там может быть отыскано,
И может ли закат быть люб. –
Ведь сердце жаждет сердца близкого
И губы жаждут милых губ.

1919

Судак

ЛОЭНГРИН

Эльза, ты не спросишь,
Эльза, ты сомненья бросишь.

Миг один. –
Как ты близко, – так близко был,
Так близко, что целовать мне глаза мог.

Миг один. –
И вот ты уже уплыл
В свой далекий, заколдованный замок.

Было – как сладко, так сладко нам.
Ах, всё это было во сне ведь!
Как скоро опять по холодным волнам
Приплыл очарованный лебедь.

Вернись же, прости! О, вернись назад!
Не спрошу, не вспомню отныне...
О, ты теперь уже в море, у врат
Твоей одинокой святыни...

Миг один. –
Как ты близко, – так близко был,
Так близко, что целовать мне глаза мог.
Миг один. –
И ты навсегда уплыл
В свой далекий, заколдованный замок.

1919
Судак

* * *

Мы с вами, леса и просторы, одно –
Мы белым пожаром палимы.
В мое заметное снегом окно
Глядят все прошлые зимы.

И плачет и рвет за порогом метель
И будит забытые боли.
О, сколько их – пасмурных, зимних недель
Уплыло за вьюжное поле.

Ах, послушайте!
Всё это было,
Всё это ушло –
Год, минута ли, час ли.
Тоска о любви,
Огонь в крови
Давно уже погасли.

Только бродят глухие думы –
Огоньки в потухшей золе.

Далекий, холодный закат заалел...

Слетевший с неба, с дальнего леса ль,
Отомкнувший мне настезь сердце – не мучь!
Ты как неопытный неумелый слесарь,
Открывший замок и сломавший ключ.

Поздно. Врываются образы прошлого...

.....
...Твой, любимая, легкий стан...
Храп коней и морозный покой.
Даже вьюга молчит –
Лень ей.

Только торопится серенький зайка,
Спасаясь от неведомой беды. –
Твое удивление
На причудливые следы:
«Что за хитрая мозаика?»

Рождество. Рождество. Рождество.

Забыть бы. Не надо никого –
Любимая, враг ли, друг ли,
Только так вот сидеть и смотреть
На догорающие в камине угли.

И когда душа догорит дотла,
Забудет – небо ли, высь ли, –
Выйти на белый снежный атлас –
Остудить последние мысли.

1919

* * *

С.

Нет, ни в какие сделки с ветром. –
Он думает – он один тоскует и сердится...
Если милая в другой части света –
Разве она дальше от сердца?

Вечер стоит над душой – соглядатай боли,
Смотрит – прольешь ли и сколько именно слез ты...
Может быть, и она лежит в потемневшем поле
И смотрит на далекие звезды.

И когда над лесом взойдет Большая Медведица,
Опрокинется над землю туманной и синей, –
Мне станет легче и будет вериться,
Что это над полями безлюдными светится
Незабываемое, дорогое имя.

1919

* * *

С.

Осень, осень, кто твой суженый?
Дальше, дальше, мимо...
Море, выбрось мне жемчужину
Для моей любимой!

Море даже граду Китежу
Светит день в неволе.
Море, море! Я не выдержу
Всех разлук и болей!

1919

Судак

ПОСЛАНИЯ

(1)

С.

С каждым днем закаты печальней, –
Над миром дрожат не дыша...
О тебе, моей тихой и дальней,
Загрустила глухая душа.

Над осенним и пасмурным морем
Лишь прибой неумолчный затих –
Мы с ветром северным спорим
Без конца – о милых своих.

О, это – побоище наше!
И он уступает мне.
Ведь моя любимая краше
И лучше всех на земле.

Я тоскую. Приди и заполни,
Как родная, хмельная весна,
Эти тусклые осени полдни,
Эти долгие ночи без сна.

Целую глаза твои. Губы ж
Не могу. – Это сладко, как смерть.
Ведь я верю, что ты меня любишь,
Как верю в Небо и Твердь.

(2)

Ты говоришь теперь: «Одна я
Весь долгий день, по вечерам...»
– Моя любимая, родная,
За всё, за всё тебе воздам.

Лишь помни каждый миг, что это
С судьбою наш последний бой,
Что будет ночь пьяна от света,
Когда мы встретимся с тобой.

Я твой. – В разлуке и ненастье
Лик славы пред тобой померк,
Как меркнут все грехи и страсти
В Великий и Святой Четверг.

Я твой. – И не угасли силы, –
За всё, за всё тебе воздам –
Тебе, единственной и милой,
И то, чем жизнь благословила –
Я все несу к твоим ногам.

1919

Судак

* * *

Пройдут года – и сединами
Оплетена душа твоя,
И лишь закаты будут с нами
Встречать попутные края.

Встречать весну и снова, снова
Рыдать о гаснущей зиме...
О, где найти такое слово,
Чтоб легче стало на земле!

1919
Судак

* * *

С. Я. Парнок

Разбередим горе, разбередим песни,
И поем о душе и теле,
И часто день кажется чудесней,
Чем есть он на самом деле.

Но как нам спросить: «Что Господь у нас отнял?» –
У ветра, седого и быстрого? –
Мы страдаем не один раз, а сотни
Над тем, что другой уже выстрадал.

А я верю, что светят и отсветы,
Что и моя боль, как кликуша,

Пойдет мыкаться по свету –
По далеким и близким душам.

1919
Судак

РОДИНА

Я твержу твое имя в печали и в роздых.
Я знаю – прежняя ты.
Над полями твоими всё те же звезды
И в полях те же цветы.

Но что в твоём одичалом взоре,
Русь моя! – Что дрожит сквозь мерцание век?
Или это осенние желтые зори
Далеких северных рек?

Ты спишь, позабыв времена и сроки
И Того, Кто так стар, всемогущ и Един,
Кто теперь, шатаясь, бредет одинокий
В пустынях осенних равнин.

И лишь твой вздох пройдет по деревьям
Ветром, и дальше – туда, на закат,
По полям, по лугам, по забытым деревням
Запаляя ночной набат.

1919
Алупка

* * *

Эй, лихая казацкая вольница,
Кто от Волги тебя оторвал?
Скоро время далекое вспомнится
Как была на Руси татарва.

Вы, безлюдные площади города,
Эй, пустуете вы до поры, –
Будут в гости поддевки да бороды,
Колья, косы, ножи, топоры.

Уж в полях, на лугах, над столицею,
Спутав полдень и полночь и день,
Заметалась бесшумною птицею
Пугачева безглавая тень.

* * *

Сердце забило тревогу, –
Это звезда слишком близко подошла к земле.
Не оттого ль даже несколько слов к Богу
Боязно было бросить мне?

Нет, это не звезда, это страх стоокий,
Предчувствие снова овеяло холодом лоб.
И я, пригвожденный к столу, забиваю слова в строки,
Как могильщик молотом гвозди в гроб.

1919

Судак

СКАЗАНИЕ О ЛЮБВИ

С.

Он любил ее жадно – так жадно и сильно,
Как билось сердце его
В грудь любимой,
На которой покоилось...

.....
Разлука...

.....
Берег того же моря – чужой и пустынный...
Юноша простирает руки
К далеким горам,
Что как призраки прошлых дней поднялись
из моря.
То вершины, у подножий которых держал он
в объятьях любимую...

Солнце ниже, и он начинает рыдать,
Спрятав в прибрежный песок
Лицо,
Искаженное от любви и разлуки.

– Мальчик, о чем ты плачешь?
– Ах, я плачу, что берег и горы,
Стоящие в царстве ушедшей любви,
Погрузились в море. –
Значит, милая мне изменила.

– Мальчик, то вечерний туман закрыл
далекую землю.

Завтра, с солнцем и днем она засверкает опять
и встанет из моря...

.....
О, и любовь такова. –

Она приходит, когда ты не ждешь ее,

Баюкает и ласкает,

И в миг, когда ты крепче всего сжимаешь ее

в объятьях –

Она ускользает и тонет в вечернем тумане,

Как эти далекие горы, ушедшие в море.

1919

Судак

СУМЕРКИ

Ласковой печки кафельные плиты

Щеку ласкают, как давным-давно. –

Ведь им всё равно, что я давно небритый,

А мне теперь – всё равно.

И я не знаю, на сердце ли, в небе ль

Этот разорванный, облачный хлам...

Сумерки копошатся, передвигают мебель,

Расползаются по углам.

1919

Судак

* * *

Теперь, как и в старых былинах,
Мы своих возлюбленных ждем
В городах, полях и равнинах,
Под месяцем и под дождем.

Когтила страсть будто коршун
Объятьем желанных рук.
А нынче острее и горше
На губах горечь разлук.

Но пусть громоздим и высим
Мы разлуки – одну на одну, –
Листочки любовных писем
Такие же, как в старину.

1919

Судак

* * *

Ты говорила: «Могу ли забыть?» –
Разлуке всего только восемь дней...
– Послушай, можешь ли ты вообразить,
Сколько зим прошло, сколько осеней?

Думаешь – просто часом был час, –
А ведь каждый – в веках барельефом был высечен.

Ты знаешь ли, что теперь каждым из нас
Прожиты жизнью тысячи?

Бывало, живут по-заведенному, без забот –
Кесарю кесарево, божие – Богови,
А теперь каждый грядущий год
Содрогается в зимнем декабрьском логове.

Вылезает. – Без свиты, без тостов, речей,
Бредет. – Пожалейте голодного, голого!
Над землею поют миллионы смертей,
Сатаной перелитых в свинец и олово.

Так что же? Теперь – теперь до любви ль,
Когда зори в кровавом дыме,
На глазах прожитых столетий пыль,
Когда дети рождаются дряблыми и седыми?

Так что же? Какая теперь любовь!
Тосковать и печалиться брось о ней. –
Ведь бывшее, милое не вернется вновь. –
Столько зим прошло, столько осеней.

1919

* * *

Эх, рванулись – да не мои – кони.
Мне только б над пропастью свеситься...

Зачем этот вечер – как святой на иконе
В золотом венчике месяца!

Разгуляйся, ветер, по взморью,
Поплачь с вечернею зорькою –
Я с тобою нынче поспорю –
Горевать ли мне горе-горькое.

Всем разлукам опьянено и скрашено
Это – со всем расставание.
Дай мне желанное, страшное,
На веселье мое брашное
Последнее целование.

1919
Судак

* * *

Я сегодня тоскую. И вы мне простите ль,
Простите ли мне – на веселье праздному?
Поймите, даже с икон Спаситель –
С каждой смотрит по-разному.

На одной – Суровый. Там – Светлый и Лучший,
На третьей – в слезах от предсмертной сладости...
А ведь я – только человек заблудший
В поисках позабытой радости.

1919
Судак

* * *

С.

Светел путь осенний под луною.
Смутно на́ сердце моем.
Как теперь, дорогою иною
Шли мы с милою вдвоем.

Почему ж не повториться встрече,
Почему тебя уж нет,
Если так же неизменен вечер,
Неизменен лунный свет?

1919

* * *

Милая, ты гредишь на рассвете,
И в распах светлеющих окон
Тихо-тихо навевает ветер
О любви неотразимый сон.

Слышишь ты? Дыханье моря крепнет.
Погляди: за узкой щелью штор
В синей дымке розовеют гребни
Захмелевших от покоя гор.

День идет. Он будет тих и жарок.
Дремлет сад, обрызганный росой.

На губах несу тебе в подарок
Свежесть утра и морскую соль.

НОВЫЙ ГОД

Я встал перед рассветом, рано,
Когда еще не брезжил свет.
И этот год ушел и канул
В водоворот забытых лет.

Пусть говорят: «Не всё равно ли –
Декабрь, Январь – пустой обряд».
А мне он близок, мил до боли –
Последний вечер декабря.

Сегодня всё, что было в жизни,
Опять мое, опять со мной,
Как скорбь о брошенной отчизне
Такой далекой и родной...

Ах, всё пройдет – не верь обману –
Как дым, как призрак бывших бед,
Как этот год, что нынче канул
В водоворот забытых лет.

1919
Судак

АЛУПКА

В тумане дальняя долина,
И склоны гор укрыла ночь,
А тонкий голос муэдзина
Еще не свеян ветром прочь.

Но месяцем открыт и найден
Аул, повисший на скале...
Молись, проси блаженства – на день
Сто раз и не вставай с колен.

Нет, всё равно, такого рая
На небе не было и нет:
Земля – одна. Земля вторая
Не родилась еще на свет.

Как тихо! Голос не повысишь...
Ночной благоуханный зной.
Маяк на потемневшем мысе –
Такой далекий и родной...

И море спит, вздохнуть не смея.
Ай-Петри к миру говорит.
В его зубцах Кассиопея,
Навеки врезана, горит.

Шесть синих звезд. Осьмое диво!
В чьей из корон земных царей

Нет, не доплыть, не доплыть,
с волнами и горечью споря.
В сердце предсмертная грусть,
губы закушены в кровь,
В уши звенят голоса: «Мы вольные дочери моря, –
Брось тосковать о земле –
сладостней наша любовь».

– Факел далекий погас.
Ты рвешься то вправо, то влево.
– Полно, ведь Геро с другим,
Геро не выйдет встречать.
– Полно, прекрасный Леандр,
позабудь вероломную деву,
– Скоро мы будем твои мертвые губы лобзать.

1920

Ялта

ГОРОД У МОРЯ

(1)

Небо – железный раскаленный колпак.
В нем – зеленым эгретом – тополь.
Сегодня вечером целая толпа
Уезжает на Константинополь.

В порту объявление: «Пароход Natale
Принимает людей и грузы»...

И опять я гляжу в запретную даль,
Как Робинзон Крузо.

(2)

Вперед! Всё внизу останется скоро,
Как лики Распутства и Голода,
Как далекий возглас церковного хора,
Долетевший с ветром из города.

Сюда не достигнут тусклые молнии
Глаз, подведенных чернью...
Море и горы в великом безмолвии
Принимают зарю вечернюю.

Что мне помнить? Кругом – только небо
и птицы.

Где Вчера, где Сегодня и Завтра? –
Я – только буква забытой страницы
В книге Великого Автора.

(3)

Глядел, не опустив лица,
Глазами любящими, теми,
Как ты сошла с его крыльца
В ночную жуть, в ночную темень.

Пускай тебе я сделал зло,
Но мне так больно, что твой милый

Не говорил тех милых слов,
Как я, когда ты уходила.

Он только раз поцеловал,
Не приласкал, не приголубил,
С крыльца крутого не сбежал
Вслед за тобой в ночные глубины.

Бьет колокол – четыре, пять –
В поселке дальнем у залива...
Помочь тебе? Ведь ты опять
Так бесконечно сиротлива...

...О, как давно сказала ты:
«Пусть будут вечными разлуки»...
Я издали, из темноты
К тебе протягиваю руки.

(4)

Мы песен веселых уже не поем.
Этой ночью только совы кричали.
Эх, Русь моя! Я на самом краю Твоем
И Ты вся у меня за плечами.

И любовь за плечами. Господь, сохрани
Души тех, кто выплакал очи...
Как белые птицы пролетают дни,
Как черные – пробегают ночи.

(5)

Не придем. Вы будете ждать, как ждали. –
Годы на родину путь замели...
Корабли уплыли в вечерние дали
От враждующей, залитой кровью земли.

Провожало много: сто или триста,
Или больше. – Не знаю. Теперь мы одни.
Близкая ночь. Опустелая пристань...
В городе зажигают огни.

(6)

Ни перевалов, ни проходов
В страну оставленного нет...
Огни далеких пароходов
Как призраки уплывших лет.

Да, это – наяву и верно,
Как горечь горьких слов во рту,
Как эта грязная таверна
В сыром, заброшенном порту.

И Ты – о ком поют поэты –
Не подходи: я пьян и груб...
От этой красной, терпкой Леты
Не оторвать уж больше губ.

Вот жизнь – вся жизнь проходит мимо...
Пусть. Есть еще один покой –
Прижаться, как к плечу любимой,
К столу трактирному щекой...

Огни далеких пароходов
Погасли. Ничего уж нет.
Ни перевалов, ни проходов
Туда – в страну ушедших лет.

(7)

За набережной мрак отверстый.
Прощай, вечерняя заря!
Вон корабли считают версты,
Как сердце – дни календаря.

Здесь, в городской горячей пыли
Июнь – как мавзолей весны...
Где эти дни, что прежде были
Так беспечальны и ясны?

Пусть Жизнь и Горе вечно дружны,
Пусть было, есть и будет так, –
Там, на молу – кому-то нужный –
Звездой зеленою – маяк...

Прибой. Ненастье. Ветер мокрый...
Кто может в дом – домой скорей!

Здесь только ночь и хриплый окрик
Идущих мимо кораблей.

1920

Ялта

* * *

С.

К навеки брошенному раю
Забывший все пути – Адам –
Я ничего теперь не знаю,
Я душу за тебя отдам.

Ты вся со мной и те – две ночи,
На мысе дальнем огонек.
А отчий дом и город отчий
Стал так туманен и далек.

Сгорел закат и море гневно.
Молись враждующей судьбе.
Моя далекая царевна,
Я знаю путь один – к тебе.

1920

Ялта

* * *

Кричат: «Дай радости! И так ужасен век. –
Те отжили, а те еще не крепки».
– Мне всё равно. Я – Горя дровосек –
По всей земле разбрасываю щепки.

Пусть страшно жить. – Страшнее изнеможь.
Эй, юноша! Свистит шальной осколок. –
Проклянешь первую утех любовных ночь,
И день покажется безрадостен и долог.

Всем вам, лежащим на земле, как пласт,
Я помогу. А тысячам и сотням –
Пусть им другой, пускай им Он воздаст –
Кто у меня мои богатства отнял.

1920

Тифлис

* * *

С.

(1)

Мама, ведь правда буду красива я, –
Красивей еще, чем в прошлом лете?
– Ты и так, дитя мое, красивая –
Красивей всех девушек на свете.

Мамочка, а буду ли счастлива я? –
Ты всегда так хорошо пророчишь.
– Будешь ты, дитя мое, счастливая,
Будет жизнь такой, как ты захочешь.

.....
.....

(2)

Вот, была любовь. О, Ты, за звездами,
Помоги же, исцели усталость!
Мама! Все мои богатства розданы,
Ничего мне в жизни не осталось.

1920

* * *

С.

Ушла твоя любовь. – Ее
В глухой туман одели дали.
Благодарю тебя за все –
За боль, за радость, за печали.

О, верь мне – Ариадны нить
Ты навсегда дала мне в руки...
Прости, что буду я любить,
Как в первый, горький день разлуки.

1920

ОТЪЕЗД

Не прощались... И вечер погас.
И никто не жалел о разлуке.
Только в море нащупали нас
Темных мысов простертые руки.

И зарылись по локоть в прибой
В безутешном, беспомощном горе:
Всё, что было, уносит с собой
Эта шхуна, ушедшая в море...

Застилают, клубясь, облака
Дальний сон мой, навеванный летом...
Не зовите огнем маяка,
Не маните последним приветом, –

Без меня в эту ночь, – не вернусь! –
Те, кто с вами остались, задремлют...
О, какая прозрачная грусть
Облекла эту милую землю.

Встречный ветер затих, чуть дыша,
Волны прошлого катятся мимо...
Навсегда запомни, душа,
Берега уходящего Крыма!

1920–1921

ШТОРМ

Всё случилось очень просто:
Замутилась бирюза,
Налетел порыв норд-оста
И – в лохмотья паруса!

Оглушил шальным ударом,
Сбрызнув веки снопом искр...
Разве эта шхуна даром,
Сослепу зовется – «Риск»?

Вспомнишь ты и мать, и друга,
Жизнь и ту, что жизнью звал,
И опять – матросов ругань,
И опять – за шквалом шквал.

Думал – прямо в руки счастье?
Может, скажешь – свет не мил?
Гнется борт и рвутся снасти,
Мачту крепче обними!

Где-то на другой планете
Есть и кров, и порт, и мол...
Может быть. Утешься этим!
И когда в неверном свете
На корму ползущий холм
Рухнет –
Поверни иначе:
Скатерть, стол, уют, тепло...

Там тебя, тревогу пряча,
Ждут и плавят лбом горячим
Запотевшее стекло...

И – назад: огонь в гортани,
Жажда, грохот, стужа, темь...
Гибель? Защитись бортами!
В мачту! Кровь из-под ногтей!

И – стрелой, черпая краем,
В самый тихий в мире порт...
Эй! Все к трюму! Погибаем!
Груз за борт!

1920–1921

* * *

С.

На всей земле снега еще лежали.
Я помню всё. – Пусть ты уже не та.
Твоей любви разбитые скрижали
Я берегу, как в давние лета.

И каждый год, как памятная дата,
Что метишь ты в листах календарей.
Зима! Зима! И нет весне возврата.
Глядись в огни далекого заката,
Веди других, слагай стихи, старей.

Старей и жди, чтоб новым взрывом горя,
Как птица, пульс забился у виска...
Из прошлого певучим гулом моря
Звенит тысячелетняя тоска.

1921

Москва

ВЕСНА

На ширь пустынь и на снега Памира,
На глушь лесов, на океан полей
Сошла весна, – тысячелетьям мира
Бросая вызов юностью своей.

Простерла руки в купол небосвода,
Как легендарный Иисус Навин, –
И солнце ждет над пеной ледохода,
Над грохотом сползающих лавин.

Весна, весна! В твоём покрове талом
Пробита брешь, и травы зацвели.
А я стою с опущенным забралом,
С мечом в руке, – заблудший сын Земли.

И как, – скажи, – могу я оглянуться
На этот путь победоносный твой?
В груди гудит похмелье революций,
Клокочет память небывалых войн.

Ты думаешь, – мужали мы и крепи?
Ты думаешь, – столетья были с час?
Весна, весна! Наш мир в крови и пепле.
Мы на тебя поднять не смеем глаз...

1921

* * *

Весна. Ты бродишь сам не свой,
Чего-то нужно – до зареза.
И день – как будто над землей
Настлали ржавое железо.

Нет, я не верю – не могу –
Март месяц, а земля такая ж –
В развалинах, в крови, в снегу...
Весна, как ты ее оттаешь?

1921

* * *

Послушайте, что это значит?
Опять все мысли – об одном...
Горючими слезами плачет
Весенний ветер за окном.

Мне хочется поверить в Бога
И хочется ему сказать:
– Смотри, я потерял так много,
Скажи мне, что еще терять?

Весенний ветер, ветер шальный,
Будь проклят, будь благословен. –
Твое безумье в горсть зажало
Все дни любви, разлук, измен.

1921
Москва

* * *

Ну, кажется, нет понятней и проще, –
Всему есть конец. Еще. Повтори.
Кольцо бульваров. Трубная площадь.
Толпой бегущие вниз фонари.

Ну что же? Мы все увидимся скоро,
Как будет Суд за любовь, за грехи...
Ведь это рассвет и вымерший город,
В котором живут одни петухи.

В котором – одни петухи да вокзалы,
Охрипшие от похмелья разлук,
Где шарит, как вор, на путях и по залам
Застывший бред миллионами рук...

Мы эту ночь схороним прекрасно,
Споем отходную: «Смейся, паяц»...
...Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen,
In diesen Hause wohnte mein Schatz.

1921

* * *

Не надо сна. Я знаю и во сне,
Что память злей и мстительней, чем коршун.
Мне слишком больно думать о тебе,
Но позабыть еще больней и горше.

И на столе всегда передо мной
Как образ – море, Ай-Тодор и скалы...
А ты нашла ли новый берег твой,
Нашла ли то, что так давно искала?

Мы нынче все развеяны судьбой
По всей земле, как семена на пашне.
Прости, мой друг, я и теперь с тобой –
Такой далекой, близкой и вчерашней.

Вот я стою, так крепко руки сжав...
Одно осталось – погасив желанья,
Готовить зелье из целебных трав
Для братского холодного свиданья.

1921

Москва

СКРИПКА СОСКУЧИЛАСЬ ПО ИМПРОВИЗАЦИИ

Так опять, опять ты хочешь жалоб?
Под смычком опомниться, кляня?
Весь огонь импровизаций шальных
Не зажжет ответного огня;

Весь огонь бессонницы. И в хламе
Старых песен что еще найти?
В полуночном поле за холмами
Даже звезды меркнут на пути.

В оглушенной звуками пустыне,
В том финале с окриком «Держись!» –
Буреломом стихнувшим застынет
Песнь, как ночь, и эта ночь, как жизнь.

1921

ИМПРОВИЗАЦИЯ

День на исходе. Некуда убежать
От вечера, обыденного и плоского.
И хочется без конца, без конца играть
Осеннюю Песню Чайковского.

И хочется, чтоб кто-нибудь близкий душой,
Любящий мою печаль и улыбки,

Слушал и плакал вместе со мной,
Когда я плачу на скрипке.

Нет, не буду Осеннюю. И так тоска.
И так ни радости, ни ласки.
Слушайте! Я нашел, что надо было отыскать.
Слушайте! – Это нянины сказки. –

– Деточка, жила-была царевна
В государстве дальнем, у большой реки.
Отказала юная царевна
Рыцарю, пришедшему просить ее руки.

Рыцарь удалился, злобу затая.
Думал: нет, царевна, будешь ты моя.
И исполнил рыцарь свой лихой завет.
Год прошел – царевны больше в замке нет.

Увезли ее за море синее
Злые люди на сером челне.
Встало солнце над родиной в инее
И пропало в холодной волне...

– Ах, нянечка, какая страшная сказка!
Неужели же злые люди
Не отпустят ее никогда?
Нянечка! Я поеду за ней,
Чтоб она дома жила,
Чтоб ей больше не делали зла!

– Она уже умерла...

.....

Не смейтесь! Ах, если б был хоть один такой,
Для кого я что-нибудь значу!
Прильнув к замолчавшей скрипке щекой,
О себе и о царевне плачу.

* * *

Где в снегу Казбек...
Кавказская песня

(1)

Салям алейкум! Не плачь, не рыдай, –
Всё равно ты мне будешь – жена.
Ах, глаза твои – словно окна в рай,
Твой голос поет, как зурна.

Довольно! Я от ожидания устал.
О, сладко с любимой в ночи!
Как строен твой стан, как жарки уста...
Не бейся, джаным, не кричи.

Нас двое в седле. Несись рысаком,
Как птица лети, карабах!
Жених далеко, Пророк – высоко...
Шакалы хохочут в горах.

(2)

Пусть звенит сааз: «О звезды, –
Слезы ночи, бирюза...» –
Для меня одно лишь звезды –
Милой ясные глаза.

Пусть звенит: «Как ярок пурпур
Розы в зелени куста...» –
Для меня одно лишь пурпур –
Милой нежные уста...

Грудь высокая колышет
Чарчафы узорный край.
Спит. Раскинулась, – не дышит...
– Ханум, день пришел! – Вставай!

И опять клинок кинжала
Гладит слабою рукой...
Поцелуй ее как жало,
А на сердце – тот – другой.

1921

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРИКОСНОВЕНИИ РУКИ

Дотронулась до сердца,
Как медиум до блюда,

И грусть – куда ей деться?
И снова песни льются.

И стало так, что впору
Хватать суму и посох,
Чуть засинеет прорубь
На облачных торосах.

И только дождь зашепчет
По желтым, блеклым липам, –
Всех уверять, что жемчуг
Сегодня с неба выпал.

Смотри, какое диво! –
Где есть такие грезы,
Чтоб на плакучих ивах
Цвели, дышали розы?!

1921

* * *

Е.В.Л.

Да, в сумерки яснее все улики.
В такие сумерки. И ясно в этот час:
Лишь на полотнах мастеров великих
Есть женщины, похожие на Вас.

Одни из тех, о ком столетья пели
И за кого на смерть, ликуя шли,
На плаху шли и гибли на дуэли
Поэты и мечтатели земли.

Ах, все они давно лежат в могилах,
И только Вам – стучаться у дверей,
Чтобы искать своих родных и милых
В каталогах картинных галерей.

1921

* * *

Эта боль – как туго затянутый пояс –
До конца, до последней петли.
По пригородам волочащийся поезд,
Пустые платформы, плетни...

И, врезан в тоску, и в вагонную давку,
И в небо – далеким крестом
Тот вечер, когда о судьбе моей справку
Мне выдал Адресный стол

В залог, что с другою душой неразрывно,
Как рельсы, склепают, свинтят
Сообщники – Бог, захлебнувшийся в ливнях,
И дачный погромщик – Сентябрь.

Так надо, так, верно, кому-то угодно,
Чтоб день был дождем пропылен,
Чтоб лето казалось уже – земноводным
Седых, допотопных времен.

И плыли назад полустанки и поле,
Мосты, огороды в селе,
Чтоб кто-то – разбужен вагонным контролем –
В агонии шарил билет.

Ищите! Ведь это душа моя – биться
По стеклам, по лавкам устав –
Сдалась и с обратным билетом сонливца
Вскочила на встречный состав.

Вечер слезится в окне запотелом,
Вместе со мною роняя слова,
Захлебываясь падежами
С Вами, о Вас, к Вам.
Нечего делать:
Подъезжаем. –
Москва.

1921

Пушкино – Москва

Б. Пастернаку

Крадучись дремотой тихою,
Ночь звенит, растет и пухнет,
Оттого, что мерно тикают
За стеной часы на кухне.

Тише! Слышишь? – дышат. – Кто теперь
Кроме нас с тобою? – Полно!
– Это просто шепчет оттепель,
Это просто дышит полночь.

Это Жизнь твоя, как пленница,
Спутав всех – чужих и присных,
Рвется со страниц и пенится
И течет из Песен в письмах.

Что сказал ты, что замалчивал –
Словно век мы с ним дружили.
Ведь твоя Сестра мне – мачеха,
Разве мы совсем чужие?

Вдохновенье. – Буря, Иматра
Рвали ворот, как ошейник,
Но зато каким сантиметром
Вымерить опустошенье?

И каких друзей по отчеству
Звать: «Спасите! Будьте добры!»

Вся земля, в груди ворочаясь,
Рвется вон, ломает ребра.

Так всегда. И как же иначе?
Счастье пусть других покоит. –
Если Бог мой в муках вынянчен,
Разве мучиться не стоит?

...Черной, клейкою мастикою
Липнет ночь. Сознание тухнет
Оттого, что мерно тикают
За стеной часы на кухне.

Спи. А там рассвет завозится
В гряде блюдец и тарелок.
Спи. – Тебе ль считать, заботиться,
Что горит и что сгорело?!

1921

* * *

Юле

Скажи наконец, до каких это пор мы
Всё будем прощаться и письма писать,
Пугаться покоя затихшей платформы,
Покорной, готовой к разлукам опять?

Рассыпавшись медью надтреснутой, третий
Проплыл по путям (и ничем не помочь!).
Твой дрогнувший поезд сегодня же встретит
В лесах за Каширой залегшая ночь.

Забудешь? Попробуй! В разлуке печальной
До встречи – попробуй – дыханием сдуй
Отравленный горечью гари вокзальной
Последний, не знавший конца поцелуй.

1922

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В контексте литературного творчества невероятно трудно находить определения таким понятиям, как любительство и профессионализм. Кого можно называть профессиональным поэтом и что дает это звание, стоит ли так уж держаться за него? В России споры на эту тему, как известно, велись еще при Пушкине и выплеснулись в XX век с его сложнейшими перипетиями взаимоотношений искусства и власти, поэта и общества, литературы и идеологии. Мнения высказывались разные, и соотносились они скорее с личной творческой судьбой, чем с масштабом дарования и популярностью. Приведем характерный пример диалога о «профессионализме», который в скрытой форме вели два крупнейших поэта XX столетия. В 1934 г., выслушав от Пастернака поздравления по поводу получения квартиры в писательском доме («Ну, вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи»¹), Мандельштам в раздражении сказал: «Я не могу иметь ничего общего с Борисом Леонидовичем – у него профбилет в кармане»². Принадлежность к профессиональному сообществу в этот период расценивалась им как сговор с властью, диктующей, что и как писать. Со своей стороны власть тоже интересовалась этой проблемой. Вскоре Пастернак «удостоился» телефонного звонка Сталина, который расспрашивал его об уже арестованном Мандельштаме. Вопрос, тревоживший вождя, лежал почти в той же смысловой сфере: «Но ведь

¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999. С. 176.

² Гинзбург Л. Я. Из записей 20–30-х гг. // Нева. 1988. № 12. С. 153–154.

он же мастер, мастер?» – «Не в этом дело»¹, – отвечал Пастернак. Ему напрасно ставили в вину этот уклончивый ответ. Просто Пастернака никогда по-настоящему не интересовал вопрос профессионализма – «мастерства»², и свое собственное творчество он тоже мерил другой меркой: «Художник разговаривает с Богом»³, – утверждал он.

Исходя из общепринятых категорий, Михаил Штих – любитель. Он ни разу не опубликовал ни одного своего стихотворения, не издал даже крошечного поэтического сборника – в профессиональное сообщество не вошел, да и не собирался. Стихи закончил писать так рано, что трудно говорить о серьезной эволюции его манеры, изменениях стиля, поиске собственного пути. Однако общая одаренность личности М. Л. Штиха была настолько велика, что стихи его – не просто «поэтический дневник», слепок жизненных обстоятельств, как бы он сам ни воспринимал написанное. На них трудно смотреть как на органическое единство, сравнивая с циклами или книгами стихов «профессиональных» поэтов, ровно потому что автор не объединял их в циклы, не составлял никаких подборок. Однако общий уровень этих текстов настолько высок, что при чтении их снова возникает вопрос о правомерности термина «любитель». Несомненно одно: Михаил Штих – поэт. Притом поэт «Серебрянного Века».

¹ Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 95.

² Сам Мандельштам комментировал ответ Пастернака сходным образом: «Он совершенно прав, что дело не в мастерстве... Почему Сталин так боится “мастерства”?» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. С. 175).

³ «Высокий стойкий дух»: Переписка Б. Пастернака и М. Юдиной // Новый мир. 1990. №2. С. 170.

Нельзя сказать, что стихи М. Штиха ярко оригинальны, в них, без сомнения, слышатся голоса крупных поэтов современности, прежде всего Блока. Но кто не подражал авторитетам в самом начале творческого пути? Даже вечный образец для всех пишущих и читающих – юный Пушкин начинал с освоения поэтического наследия старших. Подражательность поэзии М. Штиха очень осмысленна. Скажем, стихотворение «Незнакомке» (1917), без сомнения, ориентировано на известный шедевр Блока, в том числе и своим лирическим сюжетом отчасти повторяет его. Однако М. Штих не просто пишет вариацию, он пытается воспроизвести образ блоковской поэзии, сделать то, что так безусловно удалось пятьюдесятью годами позже Пастернаку: «Прилагательные без существительных, сказуемые без подлежащих, прятки, взбудораженность, юрко мелькающие фигурки, отрывистость – как подходил этот стиль к духу времени, таившемуся, сокровенному, подпольному, едва вышедшему из подвалов, объяснявшемуся языком заговорщиков, главным лицом которого был город, главным событием – улица»¹. Если взглянуть внимательнее, то в этом же стихотворении легко различим еще один ассоциативный ход: «черная весна», навеянная скорее Анненским, чем Пастернаком («Февраль. Достать чернил и плакать!»), – традиционная тема весеннего возрождения к жизни практически сводится на нет усилением мотивов разложения, гниения, смерти.

Не нужно думать, что М. Штих всегда предсказуем: если стихотворение носит название «Незнакомке», то уж будьте уверены, что без Блока тут не обошлось. Вот перед нами текст, озаглавленный «Отъезд» («Их не было. И мы их не

¹ Пастернак Б. Л. Люди и положения // Полное собрание сочинений в 11 томах. М., 2005. Т. 3. С. 309.

хотели») и посвященный прощанию на вокзале. Однако мы будем тщетно искать в нем следы влияния Пастернака, раннее стихотворение которого «Вокзал» М. Штих, без сомнения, не однажды слышал и хорошо знал. В нем тоже скорее ощущается влияние символистской поэтики с обилием полунамёков и недосказанностей, особенно в финальном образе, бросающем тревожный ответ на весь предыдущий текст:

Я знаю, что ты взглядом провожаешь
Вагон последний с красным фонарем.

Совсем по-другому заявляет о себе поэт в стихотворении «Театр осени», в котором слышатся то отголоски Шекспира (метафора театра, взятая в самом широком смысле), то мотивы русской классической поэзии (В. А. Жуковский, «Сельское кладбище» или «Славянка»).

Однако среди легко узнаваемых тем и мотивов, заимствованных М. Штихом из поэзии современников и предшественников, в его самых ранних стихах нередки и совершенно оригинальные образы, яркости и определенности которых позавидовал бы любой состоявшийся поэт:

Вы мою душу считаете слепой, –
А она полна песен, гимнов и мотивов.
А она – как темное паровозное депо,
Где по углам притаились громады локомотивов.
(«Признание», 1918)

И, грудь избив плетнями в поле,
Не пропоет в трубе пурга...
(«Снова горю», 1918)

В закатном море желтый парус
И призраки рыбацких шхун...
И словно душный женский гарус
Закутал зеркала лагун.

(«Венеция», 1918)

Стоит особенно остановиться на стихотворении «Венеция», которое, по понятным причинам, напрашивается на сопоставление с одноименным текстом Бориса Пастернака, в первой редакции посвященным брату Михаилу – Александру Штиху. Однако никаких общих черт самый придирчивый исследователь в них не обнаружит. Стихотворение М. Штиха удивительно органично описывает его собственное ощущение города, несколько не похожее на пастернаковское. Поэт использует здесь омонимичные рифмы, придающие тексту напевность речитатива. А их смысловое соотношение выстраивает Венецию как мифологическое здание, нижняя часть которого омывается Летой, а верхняя упирается в голубые небеса; где-то посередине разместились городские площади, заполненные воркованием голубей:

Там, за дворцами, медлит лето,
Но мне дано лишь знать одно –
Что каждый переулочек – Лета,
Что все печали и заветы
С гондолы канули на дно.
И небо – только даль простая
Любимой сказки голубей...
В вечернем воздухе растаял
Гортанный говор голубей.

Есть в небольшом поэтическом наследии М. Штиха и настоящие шедевры, прежде всего среди них нужно на-

звать стихотворение «Шторм» (1920–1921), которое, судя по датировке, написано далеко не сразу по впечатлениям от пережитого, хотя в основу его сюжета и легло реальное событие (см. Биографический очерк). Ощущения человека, находящегося на грани жизни и смерти, переданы с поразительной достоверностью. Калейдоскоп сменяющих друг друга с молниеносной быстротой бессвязных мыслей, главная из которых – мысль о твердой земле и домашнем уюте, отражает частоту накатывающих на палубу штормовых волн. Мысли путаются и перемежаются реальностью – бранью матросов, командами капитана, криками о помощи, грохотом валов:

Вспомнишь ты и мать, и друга,
Жизнь и ту, что жизнью звал,
И опять – матросов ругань,
И опять – за шквалом шквал.
Думал – прямо в руки счастье?
Может, скажешь – свет не мил?
Гнется борт и рвутся снасти,
Мачту крепче обними!
Где-то на другой планете
Есть и кров, и порт, и мол...
Может быть. Утешься этим!
И когда в неверном свете
На корму ползущий холм
Рухнет –
Поверни иначе:
Скатерть, стол, уют, тепло...
Там тебя, тревогу пряча,
Ждут и плавают лбом горячим
Запотевшее стекло...

Разорванность сознания героя и неровное, рывками, движение корабля, преданного на волю стихии, отражает рваный ритм стихотворения, создающийся благодаря разностопным стихам с ударной усеченной последней строкой: «Груз за борт!» Грохот, резкий скрип снастей, подобные взрывам удары волн о борта и палубу судна переданы выразительной звукописью, игрой на взрывных, сонорных и шипящих звуках:

И – назад: огонь в гортани,
Жажда, грохот, стужа, темь...
Гибель? Защитись бортами!
В мачту! Кровь из-под ногтей!

Отдельного упоминания заслуживает текст «Крадучись дремотой тихою...», посвященный Б. Пастернаку – не только из-за посвящения. Его образный и ритмический строй отчасти напоминает поэтику «Сестры моей жизни» – книги стихов Пастернака, которая многократно обыгрывается в тексте М. Штиха («Это Жизнь твоя как пленница...», «И течет из Песен в письмах», «Ведь твоя Сестра мне – мачеха...»). Отсюда нехарактерная для Штиха глобальность «природных» метафор: «Крадучись дремотой тихою, / Ночь звенит, растет и пухнет», «Вдохновенье. – Буря, Иматра. / Рвали ворот как ошейник», «Вся земля, в груди ворочаясь, / Рвется вон, ломает ребра». Однако эти ассоциативные ходы кажутся совершенно сознательными, поскольку поэт ведет живой диалог с поэтом, с которым ощущает не просто внутреннее родство, но внезапное тождество, так что не всегда разберешь, о ком говорится. И при этом – с болью осознаваемый антагонизм:

Тише! Слышишь? – дышат. – Кто теперь
Кроме нас с тобою? – Полно!

– Это просто шепчет оттепель,
Это просто дышит полночь.
Это Жизнь твоя, как пленница,
Спутав всех – чужих и присных,
Рвется со страниц и пенится
И течет из Песен в письмах.
Что сказал ты, что замалчивал –
Словно век мы с ним дружили.
Ведь твоя Сестра мне – мачеха,
Разве мы совсем чужие?

В последней строфе стихотворения содержится образ, который, возможно, понравился и запомнился Пастернаку, если, конечно, предположить, что он читал этот текст М. Штиха, в чем мы несколько не можем быть уверены: «Спи. А там рассвет завозится / В груди блюдец и тарелок». В романе в стихах «Спекторский», начатом Пастернаком в 1925 году и завершённом в 1931-м, есть следующее описание утра в готовящейся к сносу квартире:

Тогда в развале открывалась прелесть.
Перебегая по краям зеркал,
Меж блюд и мисок молнии вертелись,
А следом гром откормленный скакал.
И, завершая их игру с приданным,
Не стоим лишений и утрат,
Ключами ударял по чемоданам
Саврасый, частый жадный летний град.
Их распускали. Кипятили кофе.
Загромождали чашками буфет.
Почти всегда при этой катастрофе
Уньлой тенью вырастал рассвет.

Это очень напоминает импровизацию на заданную тему, которыми занимается на рояле герой романа – Сергей Спекторский. А автор темы к этому времени уже давно оставил поэтическую стезю.

В романе Пастернака «Доктор Живаго» главный герой, как известно, – профессиональный врач и поэт-любитель. При этом поэт он гениальный, и именно стихи Живаго остаются после его кончины несомненным залогом бессмертия. Пастернак намеренно отказал своему герою в звании «профессионального поэта». Только оставаясь полностью свободным от ограничений, накладываемых писательским долгом, призванием, требованиями времени, настроением общества, можно, по мнению Пастернака, сохранить качество подлинного художника – чуткую восприимчивость к миру. Поэзия дилетанта М. Штиха – это «греческая губка в присосках», открыто и непосредственно вбирающая в себя жизненные впечатления молодого талантливого автора. Остается лишь пожалеть, что он так рано отказался от продолжения своего поэтического поприща.

Анна Сергеева-Клятис

ОБ АВТОРЕ

Михаил Львович Штих (11 [23] августа 1898 – 9 декабря 1980) был третьим, последним ребенком в семье московского врача-отоларинголога Льва Семеновича Штиха и его жены Берты Соломоновны, урожденной Залмановой. Рос, как растут поздние дети в больших дружных семьях (в год его поступления в гимназию средний, Александр, как раз закончил ее с золотой медалью).

Штихи «семейно» приятельствовали с Пастернаками. Лев Семенович лечил четверых детей Леонида Осиповича и Розалии Исидоровны Пастернак, но часто встречались и по более приятным поводам, чему остались материальные свидетельства – фотографии и рисунки: елки, застолья, семейные торжества. На них среди прочих запечатлены задушевные друзья-одногодки Боря и Шура – гимназисты и Миша – смешной щекастый карапуз, восемь лет разницы.

У Александра Штиха и Бориса Пастернака детское знакомство переросло в крепкую юношескую дружбу. Они вместе взрослели, постигали мир, делились открытиями. Встречались практически ежедневно, ненадолго расставаясь – писали друг другу письма. Они практически одновременно начали сочинять стихи.

Миша в 1908 успешно сдал вступительные экзамены в 4-ю московскую гимназию, но не поступил – не прошел по трехпроцентной норме, установленной для лиц иудейского вероисповедания. Через год, после повторной сдачи экзаменов, он всё же стал гимназистом. Получение образования рассматривалось в их среде неременной обязанностью перед семьей: университетский диплом был одним из немногих документов, дававших право жить в столице, за пределами черты оседлости.

Как и старшие дети в семье, Миша рано начал учиться музыке, но, в отличие от Анны и Александра, игравших на пианино, его (по собственным словам) «потянуло к скрипке». В гимназии учился прекрасно, однако всё же немного уступил старшему брату – окончил с серебряной медалью.

Неверующие в обычном понимании этого слова, к искусству Штихи относились с истинно религиозным поклонением, моральные нормы, которыми руководствовались в повседневной жизни, черпали из художественной литературы (не худший, если разобраться, источник). Искусству в семье служили и поклонялись. Старшая дочь, Анна, стала профессиональной пианисткой, Александр, окончивший в 1914 экономический факультет Московского университета, учился живописи и готовился к карьере профессионального поэта (в 1916 году издал книгу стихов). Его круг общения в это время – близкие к Борису Пастернаку молодые литераторы: Вадим Шершеневич, Самуил Фейнберг, Борис Кушнер, Сергей Бобров, сын Льва Шестова – Сергей Листопад, Константин Локс, Сергей Дурылин и другие. Миша, допущенный в компанию старших, поэзию тоже любил страстно и уже в гимназии знал наизусть огромное количество стихов. Участь в старших классах, побывал за границей – совершил паломничество по великим европейским музеям. Главным же для себя считал музыку и собирался стать скрипачом.

Однако жизнь сложилась иначе.

Закончив гимназию в 1917, Михаил провел лето на Волге, в Романове-Борисоглебске (в советское время – Тутаев), где в конторе Романовской мануфактуры работал его старший брат. Вероятно, впечатления того лета и осени были слишком сильными и серьезными в жизни 19-летнего юноши, требовали какого-то особого выражения. Они вылились в стихи. В отличие от старшего брата, официально состоявшего в союзе поэтов, Михаил, скорее всего,

не предназначал свои поэтические опыты для публикации. По его стихотворениям можно прочитать историю души, это своего рода поэтический дневник.

В 1918 году Михаил Штих поступил в Московский университет на медицинский факультет, а в 1919 бросил его и стал студентом консерватории. Одновременно он пошел на службу – делопроизводителем 2-го разряда в один из отделов Наркомздрава. Вероятно, с работой ему помог дядя, брат матери, известный врач Абрам Соломонович Залманов, занимавший в то время пост одного из заместителей наркома здравоохранения. И когда летом 1919 года Залманова командировали в Крым для реализации ленинского декрета «О лечебных местностях общегосударственного значения», он взял с собой племянника в качестве секретаря – поработать в период летних каникул. Однако превратности гражданской войны сильно затянули командировку: Крым перешел в руки белых. Единственным документом, подтверждавшим личность Залманова, был мандат, собственноручно выписанный Лениным на бланке Совета Народных Комиссаров. Нечего было и думать о том, чтобы перебираться с ним через линию фронта. Дядя и племянник остались в Крыму, переезжая с места на место, их крымская одиссея закончилась лишь зимой 1920–21 гг.

Там, в Крыму Михаил Штих пережил большую, но недолгую любовь к девушке по имени Соня Мейльман, которая вместе с родителями покидала Россию. Крымские стихи этого периода составляют половину поэтического наследия М. Л. Штиха. В них – любовь, разлука и фоном – война, прекрасный Крым и корабли, уносящие людей на чужбину. Восемь из тридцати пяти стихотворений напрямую посвящены «С», в большинстве обозначена география скитаний: Судак, Алупка, Ялта, Тифлис. В Грузии тогда была меньшевистская республика, и дядя с племянником

пытались перебраться домой оттуда – безуспешно. Вернулись они только после того, как Крым вновь взяли красные. Причем дядя поехал поездом, а племянник выбрал более романтический путь и поплыл на парусно-моторной шхуне «Риск». Разыгравшийся шторм порвал паруса, запустить машину моряки не смогли (стихотворение «Шторм»). Бурю удалось пережить, но после ее окончания шхуна оказалась посреди моря «без руля и без ветрил». Злоключения на этом не кончились, путешествия в эпоху гражданской войны по России описаны многими, предприятие это было рискованным в любом случае. Михаил Штих переболел двусторонним воспалением легких и вернулся домой лишь через три месяца, исхудавший, грязный и завшивленный. Все эти три месяца близким ничего не было о нем известно.

По возвращении Михаил продолжал вспоминать свою крымскую любовь, писал стихотворные послания к далекой возлюбленной, о которой не имел никаких вестей («Не надо сна. Я знаю и во сне»). Одной из просьб уехавшей девушки было разыскать в Москве ее родственницу, Евгению Лурье, приехавшую из Могилева учиться живописи. Штих нашел молодую художницу через адресный стол, они подружились. Женя тоже жила искусством, любила стихи, которые Миша читал ей во множестве. Вскоре он в нее влюбился. Навестив ее как-то за городом, осенью 1921, сделал признание – очень поэтически, прочитав посвященное ей стихотворение «Портрет». Девушка всё поняла. Она ответила: «Миша, мы с вами останемся друзьями. Вы меня поняли?» С растерзанной душой молодой человек вернулся домой, в Москву. Обуревавшие его чувства вылились еще в одно стихотворение («Эта боль – как туго затянутый пояс»).

Однако друзьями они остались, продолжали встречаться. 13 октября, на дне рождения брата Александра, Миха-

ил познакомил Женю с Борисом Пастернаком. Дальнейшее Михаил Львович вспоминал так: «...однажды, когда мы с ней были по какому-то делу на Никитской, я сообразил, что в соседнем переулке (он, кажется, тогда назывался Георгиевским) живет Боря. И мы решили наугад, экспромтом заглянуть к нему. Он был дома, был очень приветлив, мы долго и хорошо говорили с ним. Он пригласил еще приходить. И через некоторое время мы пришли опять. На этот раз я ушел раньше Жени, и она с Борей проводили меня до трамвая. И я как-то, почти машинально, попрощался с ними сразу двумя руками и вложил руку Жени в Борину. И Боря прогудел: “Как это у тебя хорошо получилось”».

Поняв, что Женя полюбила Бориса, Михаил посвятил ему стихотворение («Крадучись, дремотой тихою»). В нем, жалуясь на судьбу, он обыгрывает название книги Пастернака «Сестра моя, жизнь»:

Ведь твоя Сестра мне – мачеха,
Разве мы совсем чужие?

Вскоре, в январе 1922 года, Женя стала женой Бориса. Незадолго до этого провожали в Германию родителей и сестер Пастернака. На проводах музицировали, Михаил и Борис импровизировали дуэтом – рояль со скрипкой. Расставаясь, Леонид Осипович сказал: «Ну, прощай, Миша. Будь большим артистом и не женись рано».

Но с музыкой возникли большие проблемы. Вернувшись из Крыма, Штих восстановился в консерватории. Трудности возникли сразу – полтора года не брал в руки инструмента. Но беда была еще в том, что его профессор, Р. Ю. Поллак, уехал в Германию. Он писал оттуда письма, звал приехать, но Штих покидать Россию не хотел. Новый же преподаватель, приверженец другой скрипичной школы, стал его переучивать, менять постановку руки. По

этой ли причине, или она глубже – не всем студентам консерватории суждено стать большими артистами, – но в какой-то момент Михаил Львович понял, что солистом ему не быть. В 1923 году он ушел из консерватории и сделался журналистом.

Последнее из оставшихся после него стихотворений датировано 1922 годом и имеет посвящение «Юле» – Юлии Исааковне Миропольской, которая впоследствии и стала его женой. И здесь, по сути, кончается история Михаила Штиха – поэта и музыканта и начинается совсем другая, к данной публикации имеющая косвенное отношение.

Если изложить ее кратко, то начал он в «Гудке», на легендарной 4-й полосе литобработчиком, рядом с Ильфом и Б. Перелешиним. В соседних отделах трудились Булгаков, Петров, Олеша, Катаев, Славин, Паустовский... И это не полный список.

Шутливое предложение Валентина Катаева создать мастерскую советского романа и стать литературными неграми под его, мастера, руководством поначалу воспринял всерьез один Ильф. Обдумав всё, он призвал к соавторству двух сотрудников – Евгения Петрова и Михаила Штиха. Михаил Львович отказался и годы спустя, рассказывая об этой истории, не жалел об этом шаге, самокритично признавая: «Да я бы был лишний. Конечно, они должны были писать вдвоем». Всё же косвенно он поучаствовал в создании «Двенадцати стульев»: легендарный 2-й дом Старсобеса, хор старух в туалъденоровых нарядах, тугая дверь с противовесом и прочие подробности не выдуманы авторами. Они лишь творчески переработали рассказанную Штихом забавную историю о том, как он еще студентом консерватории участвовал в концерте для жителей Дома соцобеспечения имени Некрасова в Армянском переулке.

В дальнейшем Михаил Львович работал в «Правде», «Вечерней Москве», «Крокодиле», публиковал свои фельетоны и очерки в «Труде», «Красной звезде», «Советской музыке» и других газетах и журналах. На его полках стояли книги, надписанные знакомыми авторами: кроме упомянутых Ильфа и Олеси здесь можно было встретить автографы Ираклия Андроникова, Самуила Маршака, Натальи Ильиной, Бориса Полевого, Алексея Игнатьева и многих других.

Человеком он был веселым, остроумным и озорным. Часто шутил сам, понимал и ценил умный юмор.

Очень любил и умел играть с детьми – азартно и увлеченно, не «поддельваясь», на равных. Если с маленькими, то ползал на четвереньках (когда еще силы позволяли), виртуозно выдумывал разные смешные или страшные истории. Вообще был из тех, к кому дети сразу проникаются доверием. Их с Юлией Исааковной единственный сын родился тяжело больным и прожил недолго.

Музыку любил до самой смерти; в последние годы, когда ходить на концерты сил уже не было, слушал только по радио, телевизору и на пластинках, но слушал регулярно.

Стихов помнил великое множество и мог их долго с удовольствием декламировать. Свои читал только когда рассказывал связанные с ними истории более чем полувекковой давности, заново переживая давние волнения.

Жизнь прожил длинную и умер на 83-м году.

С. Смолуцкий

СОДЕРЖАНИЕ

«В далекой реке отраженье огней...»	3
«Вся жизнь – таким немудрым знаком...»	3
Отъезд («Их не было. И мы их не хотели...»)	4
Незнакомке	5
Отъезд («Уж обессилел кровью плакать...»)	5
Россия	6
Театр осени	7
Японская курма	8
Душа Моцарта	9
Затерянный в веках	10
«Иду как всегда. Не согнувшись. Кто так...»	12
Молитва	12
Новый Год («Мне говорят: “В бокал вина нацеди...”»)	13
Послание	14
Признание	15
ПРОСТОРЫ ВЕЧЕРНИЕ	
1. «Как в далях вечерних пустынь – полей...»	16
2. Родина	17
Снова город	18
Венеция	18
«День догорел, и желтый пепел...»	19
Детство	20
«Душа не знает сама...»	21
«Здесь даль – чужая и немилая...»	21
К АБИГАИЛИ ДАР	
(1) «Я над закатами, на воле...»	22
(2) «Я знаю – не из премудрости книжной...»	23
Колыбельная	24

«Лишь Тот, Кто царь в парче и в рубище...»	25
Лоэнгрин	25
«Мы с вами, леса и просторы, одно...»	26
«Нет, ни в какие сделки с ветром...»	28
«Осень, осень, кто твой суженый?»	29

Послания

(1) «С каждым днем закаты печальней...»	30
(2) «Ты говоришь теперь: “Одна я...”	31
«Пройдут года – и сединами...»	32
«Разбередим горе, разбередим песни...»	32
Родина	33
«Эй, лихая казацкая вольница...»	34
«Сердце забило тревогу...»	34
Сказание о любви	35
Сумерки	36
«Теперь, как и в старых былинах...»	37
«Ты говорила: “Могу ли забыть?” ...»	37
«Эх, рванулись – да не мои – кони...»	38
«Я сегодня тоскую. И вы мне простите ль...»	39
«Светел путь осенний под луною...»	40
«Милая, ты гредишь на рассвете...»	40
Новый Год («Я встал перед рассветом, рано...»)	41
Алупка	42

ГЕРО И ЛЕАНДР

(1) «Милый, далекий, родной, мне снилась надгробная урна...»	43
(2) «Факел далекий погас, и сомнение руки сковало...»	43

Город у моря

(1) «Небо – железный раскаленный колпак...»	44
(2) «Вперед! Всё внизу останется скоро...»	45
(3) «Глядел, не опустив лица...»	45
(4) «Мы песен веселых уже не поем...»	46
(5) «Не придем. Вы будете ждать, как ждали...»	47

(6) «Ни перевалов, ни проходов...»	47
(7) «За набережной мрак отверстый...»	48
«К навеки брошенному раю...»	49
«Кричат: “Дай радости! И так ужасен век...”	50

(1) «Мама, ведь правда буду красива я...»	50
(2) «Вот, была любовь. О, Ты, за звездами...»	51
«Ушла твоя любовь. – Ее...»	51
Отъезд («Не прощались... И вечер погас...»)	52
Шторм	53
«На всей земле снега еще лежали...»	54
Весна	55
«Весна. Ты бродишь сам не свой...»	56
«Послушайте, что это значит?»	56
«Ну, кажется, нет понятней и проще...»	57
«Не надо сна. Я знаю и во сне...»	58
Скрипка соскучилась по импровизации	59
Импровизация	59

(1) «Салям алейкум! Не плачь, не рыдай...»	61
(2) «Пусть звенит сааз: “О звезды...”	62
Воспоминание о прикосновении руки	62
«Да, в сумерки яснее все улики...»	63
«Эта боль – как туго затянутый пояс...»	64
«Крадучись дремотой тихою...»	66
«Скажи наконец, до каких это пор мы...»	67
<i>Анна Сергеева-Клятис. Послесловие</i>	69
<i>С. Смолицкий. Об авторе</i>	78

Штих М. Л.

Ш91 Зарытый в глушь немых годин: Стихотворения 1917–1922 гг. – М.: Водолей, 2009. – 96 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 978–5–91763–024–3

Михаил Штих (1898-1980) – профессиональный журналист, младший брат Александра Штиха, близкого друга Бориса Пастернака. В юности готовился к карьере скрипача, однако жизнь и превратности Гражданской войны распорядились иначе. С детства страстно любил поэзию, чему в большей степени способствовало окружение и интересы старшего брата. Период собственного поэтического творчества М.Штиха краток: он начал сочинять в 18 лет и закончил в 24. Его стихи носят характер исповедальной лирики и никогда не предназначались для публикации. Однако, несмотря на юность автора, они талантливы и самобытны, и представляют несомненный интерес как для специалистов – исследователей поэзии начала XX века, так и для широкого круга любителей русской словесности. Стихотворения М.Л. Штиха публикуются по документам, хранящимся в личном архиве С.В. Смолицкого.

ББК 84Р7-5

Штих Михаил Львович

Зарытый в глушь немых годин
Стихотворения 1917–1922 гг.

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 23.10.09. Формат 60x90/32
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль
Печать офсетная. Печ. л. 3
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
тел. (495) 618-17-80. E-mail: agathon@rambler.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

9 785917 630243

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается с горя: Стихотворения разных лет. 2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвластна лишь любовь: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Отдел «Книга – почтой»
E-mail: agathon@rambler.ru

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Щировский В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2007. – 136 с.

Одним из вершинных достижений русской поэзии в 1930-е годы стало творчество В. Е. Щировского (1909–1941). Поэт погиб в Керчи под бомбежкой; чудом сохранилась часть его архива. Эта книга – единственное собрание произведений Щировского. В нее вошли также краткие воспоминания о нем А. Н. Доррер, подруги жены поэта.

Кржижановский С. Д. Книжная душа: Стихотворения разных лет. 2007. – 88 с.

Из всех литературных открытий постсоветской эпохи явление С. Д. Кржижановского (1886–1950) из полного небытия было самым ошеломительным. Поэтическое наследие писателя не вошло в собрание его сочинений. Книгу составили стихи, которые Кржижановский еще в 1910-е годы печатал в киевских газетах и потом всю жизнь изредка записывал на полях прозы, а также поэтические переводы.

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Сабуров А. А. Будем с верою радости ждать: Стихотворения. 2007. – 80 с.

Потомок древнего боярского рода; племянник композитора Н. К. Метнера и философа Э. К. Метнера, ученик И. А. Ильина, – кем мог бы стать А. А. Сабуров (1902–1959) в свободной стране?.. А в России его лирика его до сих пор оставалась неизвестной читателям. Основу книги составляет тетрадь стихотворений А. А. Сабурова, датированная 1925 годом.

Штих А. Л. Истлевших лет живые сны: Избранные стихотворения. 2008. – 128 с.

А. Штих (1890–1962) если и известен любителям поэзии, то только по биографиям Б. Пастернака в качестве друга его юности и адресата многочисленных писем. Единственная его книга, изданная в 1916 г., сегодня сохранилась в единичных экземплярах. Настоящее издание дает возможность познакомиться с творчеством поэта достаточно самобытного, но так и не узнавшего прижизненной известности.

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Скрябин А. Н. Поэма экстаза. 2008. – 128 с.

Бурный талант А. Н. Скрябина (1872–1915) был на удивление многогранен и синтетичен. Есть в его творческом наследии и стихи. Лучшие из них, вместе с сонетами В. Брюсова, Вяч. Иванова и К. Бальмонта, посвящёнными безвременной смерти гениального композитора, способны прояснить феномен творца-подвижника, Прометея, попытавшегося волшебной силой искусства преобразить мир, пусть даже и ценой собственной гибели.

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком: Стихи и воспоминания. – 2008. – 128 с.

Владимир Ильич Нейштадт (1898–1959) известен любителям поэзии как переводчик с немецкого. Однако всю жизнь он писал стихи, которые не публиковались после 1930-х годов, а в 1950-е создал и автобиографию, которая почти 60 лет пролежала в архиве. Книга представляет читателю В. И. Нейштадта – поэта и мемуариста.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Кискевич Е. М. НоктюРН душе: Стихотворения. – 2008. – 128 с.

Е. Кискевич (1891–1945) в эмиграции оставался практически безвестен. Его творческое наследие – два тонких сборника и несколько стихотворений в альманахах «Зодчий» и «Литературная среда». Во время Второй мировой войны Кискевич остался в Белграде и был расстрелян без суда и следствия при вступлении советских войск в столицу Югославии.

Отдел «Книга – почтой»
E-mail: agathon@rambler.ru

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Феррари Е. К. Эрифили. – 2009. – 80 с.

Елена Феррари (О. Ф. Голубовская, 1889–1938), выступившая в 1923 году с воспроизводимым здесь поэтическим сборником «Эрифили», была заметной фигурой «русского Берлина» в период его бурного расцвета. Ее литературные дебюты вызвали горячий интерес М. Горького и В. Шкловского. Участие в собраниях Дома Искусств сделало Елену Феррари одной из самых активных фигур русской литературной и художественной жизни в Берлине накануне ее неожиданного возвращения в советскую Россию в 1923 г. Послесловие Л. С. Флейшмана «Поэтесса-террористка», раскрывая историко-литературное значение поэтической деятельности Елены Феррари, бросает свет также на «теневые», малоизвестные обстоятельства ее загадочной биографии.

Отдел «Книга – почтой»
E-mail: agathon@rambler.ru

**Книги серии «Малый Серебряный век»
издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

Галерея книги «НИНА»
Москва, ул. Бахрушина, 28
тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»
109240, Москва, ул. Н.Радищевская, 2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М.Горького**
123104, Москва, Тверской б-р, 25
тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Гилея»
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 51\21
тел. (499) 724-61-67

Книжный магазин «Фаланстер»
109012, Москва, М. Гнездииковский пер., 12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»
E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20